

Истинному Джонатану — Чайке,
живущей в каждом из нас...

РИЧАРД БАХ

ЧАЙКА ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
БЗ0

БЗ0 Бах Ричард
ЧАЙКА ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН
Перев. с англ. — М.: ООО Книжное издательство «София», 2015. — 64 с.
ISBN 978-5-906749-06-2

В этом издании впервые — никогда прежде не публиковавшаяся Часть IV и новое
Послесловие Ричарда Баха.

Это история для тех, кто следует зову своего сердца и устанавливает свои собствен-
ные правила... Для тех, кто знает, что в жизни есть нечто большее, чем видят наши глаза.

Вы вновь обретете вдохновение, взлетая вместе с Джонатаном выше и быстрее, чем
в самых смелых своих мечтах...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

художник

Владислав Ерко

Присоединяйтесь к единомышленникам на сайте:

JonathanLivingstonSeagull.com

RICHARD D. BACH

Jonathan Livingston Seagull

Originally published by Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

ISBN 978-5-906749-06-2

Copyright © 1970 by Sabryna A. Bach
Copyright renewed © 1998 by Sabryna A. Bach
New material copyright © 2014 by Sabryna A. Bach
© Иллюстрации Владислава Ерко, 2004, 2014
© ООО Книжное издательство «София», 2015

Ласко
неповна

было утро, и новое солнце золотом разлилось по испещренной рябью поверхности моря. Рыбацкая лодка в миле от берега.

И зов над водой — это сигнал к завтраку. Большой сбор. Снова и снова раздавался он в воздухе, пока наконец тысячи чаек не слетелись в толпу. И каждая из птиц хитростью и силой пыталась урвать кусок пожирнее. Наступил еще один день — полный забот и суеты.

Но Чайки по имени Джонатан Ливингстон не было в толпе. Он тренировался — вдали от остальных, один, высоко над лодкой и берегом. Поднявшись на сто футов в небо, он опустил перепончатые лапки, поднял клюв и напряженно выгнул крылья, придав им форму жесткой болезненно изогнутой кривой. Такая форма крыльев должна была, по его мнению, до предела замедлить полет. И Джонатан скользил все медленнее и медленнее. Свист ветра в ушах сменился едва слышным шепотом, и океан застыл внизу неподвижно. Прищурившись в чудовищном сосредоточении, Джонатан задержал дыхание. Еще... на один... единственный... дюйм... круче... эту... кривую... Перья его дрогнули, спутались, он окончательно потерял скорость, опрокинулся и рухнул вниз.

Вам, должно быть, известно — с чайками такое не случается никогда. Чайка не может остановиться в полете, потерять скорость. Это позор, это бесчестье.

Однако Чайка Джонатан Ливингстон не ощущал стыда. Он снова вытянул крылья в жесткую дрожащую кривую — медленнее, медленнее и — опять неудача. И снова, и снова. Ведь он не был обычной птицей.

Большинство чаек не утруждает себя изучением чего-то большего, чем элементарные основы полета. Отлететь от берега на кормежку и вернуться — этого вполне достаточно. Ведь для большинства имеет значение не полет, но только лишь еда. Но для Чайки по имени Джонатан Ливингстон важен был полет. А еда — это так... Потому что больше всего на свете Джонатан любил летать.

Такой подход к жизни, как обнаружил Джонатан, отнюдь не прибавляет популярности в Стае. Даже родители его были обескуражены тем, что он проводил день за днем в одиночестве, экспериментируя и сотни раз повторяя низкие планирующие спуски.

Он, например, не знал почему, но, когда высота полета составляла менее половины размаха его крыльев, он мог держаться в воздухе над водой гораздо дольше и с меньшими усилиями. Джонатан никогда не заканчивал планирующий спуск обычным образом — с размаху плюхаясь брюхом на воду, предварительно растопырив лапы. Вместо этого он выполнял длинное плоское скольжение, едва касаясь поверхности воды вытянутыми вдоль тела лапами. Когда он начал практиковать скольжение с приземлением на песчаном берегу, каждый раз с прижатыми лапками все дальше и дальше въезжая на песок, его родители перепугались не на шутку.

— Но почему, Джон, почему? — спрашивала мать. — Почему так трудно быть таким же, как все? Низко летают пеликаны. И альбатросы. Вот пусть они и планируют себе над водой! Но ты же — чайка! И почему ты совсем не ешь? Взгляни на себя, сынок, — кости да перья!

— Ну и пусть кости да перья. Но я совсем неплохо себя чувствую, мама. Просто мне интересно: что я могу в воздухе, а чего — не могу. Я просто хочу знать.

— Послушай-ка, Джонатан, — вовсе не сердитым тоном говорил ему отец. — Скоро зима, и судов на море поубавится. А рыба, которая обычно живет у поверхности, уйдет вглубь. Так что уж если тебе настолько необходимо что-нибудь изучать, изучай способы добычи пропитания. А твои летные эксперименты — оно, конечно, замечательно, однако, сам понимаешь, планирующим спуском сыт не будешь. Ты летаешь для того, чтобы есть. И не стоит об этом забывать.

Джонатан послушно кивнул. И в течение нескольких дней пытался сделать так, чтобы поведение его не отличалось от поведения всех остальных чаек. Причем пытался честно, по-настоящему принимая участие в игре и возне, которые устраи-

вала Стая в борьбе за рыбы потроха и корки хлеба вокруг рыбацких судов и причалов. Но выработать в себе серьезное ко всему этому отношение Джонатану так и не удалось.

— Нелепость какая-то, — размышлял он, намеренно роняя завоеванную в тяжелой борьбе добычу.

Старая голодная чайка, которая гналась за Джонатаном, подхватывала брошенный кусок.

Джонатан подумал:

— Все это время я мог бы потратить на изучение полета. Ведь еще столько всего предстоит узнать!

И потому вскоре Чайка Джонатан снова оказался в море — он учился в одиночестве, голодный и счастливый.

На этот раз объектом исследования была скорость, и за неделю практики Джонатан узнал о скорости полета больше, чем самая быстрая чайка постигает за всю жизнь.

Отчаянно работая крыльями, он забрался на высоту в тысячу футов и оттуда бросился в крутое пикирование, несясь вниз навстречу волнам. И тут же понял, почему чайки никогда не пикируют, работая крыльями. Всего за каких-то шесть секунд он набрал скорость в семьдесят миль в час — предел, при котором крыло в момент взмаха теряет устойчивость в набегающем потоке.

Он пытался снова и снова. Он работал на пределе своих возможностей. Он был внимателен и осторожен. Но снова и снова терял управление на высокой скорости.

Подъем на тысячу футов. Горизонтальный разгон в полную силу, затем — работа крыльями — вниз — вертикальное пикирование. А потом — и это происходило каждый раз — левое крыло не выдерживало. Набегающий поток срывался. Джонатана резко бросало влево, поток срывался и с правого, более устойчивого крыла, и, трепеща подобно пламени на ветру, Джонатан проваливался в немислимый правосторонний штопор.

Ему явно не хватало точности в обращении со встречным потоком воздуха. Десять раз он пробовал, и все десять раз, едва миновав границу скорости в семьдесят миль в час, терял управление и комком спутанных перьев обрушивался в воду.

В конце концов, когда Джонатан уже промок до последнего перышка, ему в голову пришла мысль: ключ, должно быть, в том, чтобы вовремя прекратить работать крыльями — разогнаться до пятидесяти миль и зафиксировать крылья неподвижно.

Джонатан попробовал еще раз, поднявшись теперь уже на высоту в две тысячи футов. Он разогнался и ринулся прямо вниз, замерев с расправленными крыльями, едва лишь была пройдена пятидесятимильная отметка скорости. Это потребовало от него невероятных усилий, но прием сработал. Через десять секунд после выхода в пике Джонатан преодолел девяностомильную отметку. Мировой рекорд для чайки!

Но радость победы, как и сама победа, оказалась недолгой. Стоило Джонатану попытаться изменить угол атаки крыла для выхода из пике, как его немедленно швырнуло во все тот же катастрофически неконтролируемый штопор. А на скорости в девяносто миль в час это было похоже на взрыв динамитного заряда. Джонатан рухнул вниз, и поверхность океана твердостью была подобна кирпичной мостовой.

* * *

Когда сознание вернулось к Джонатану, было уже совсем темно, и он плавал на поверхности моря, мерцавшей в лунном свете. Измочаленные крылья были словно налиты свинцом. Но еще сильнее давила на него тяжесть жестокого поражения. Джонатан питал слабую надежду на то, что навалившийся на его плечи груз окажется достаточным и ненавязчиво увлечет его вниз, ко дну. И со всем этим наконец будет покончено.

Джонатан погрузился глубже в воду, и вдруг где-то внутри него зазвучали глухие раскаты странного голоса:

«Ерунда все это. Я — чайка. Ограниченность — мой удел. Если бы моим предназначением была скорость и столь глубокое постижение искусства полета, тело мое от рождения обладало бы соответствующими особыми свойствами, и тогда ум естественным образом работал бы в нужном направлении. Для скорости полета требуются короткие крылья сокола, а их у меня нет. И питаюсь я холодной рыбой, а не

10

мышами. Прав был отец. Нужно оставить всю эту чушь. Нужно вернуться домой — в Стаю — и быть довольным тем, что я есть. Ибо я — всего лишь жалкая чайка, возможности мои ограничены, и я должен с этим смириться».

Голос умолк. Джонатан был согласен. Ночью место чайки — на берегу. И он дал себе клятву, что с этого самого мгновения он становится нормальной чайкой. Так будет лучше для всех.

Джонатан устало оттолкнулся от поверхности воды и полетел по направлению к земле, благодаря судьбу за то, что успел раньше узнать об экономном режиме полета на малых высотах.

— Ну нет, — подумал он, — с этим покончено раз и навсегда. И мне нет никакого дела до того, что я знаю. Чайка есть чайка, я — такой же, как все. И летать буду тоже как все.

И Джонатан, преодолевая боль, вскарабкался на стофуттовую высоту. Усердно размахивая крыльями, он устремился к берегу.

12 Он почувствовал облегчение, приняв решение быть одним из Стаи. Ведь тем самым он разрывал свою связь с Силой, заставляющей его искать знание. Так он избавлялся и от борьбы, и от поражения. Было так приятно просто прекратить думать и молча лететь во тьме к огням, мерцавшим вдали над пляжем.

— Тьма! — встревоженно расколол тишину утробный голос. — Чайки во тьме не летают! Никогда!

Джонатан почему-то не обратил на голос никакого внимания. Ему было не до того.

— Хорошо, однако! — подумал он. — Луна, береговые огни, дорожки бликов на мерцающей поверхности воды... Тишина, покой... Хорошо!

— Вниз немедленно! Чайки никогда не летают во тьме! Для этого необходимы врожденные особые свойства! Глаза совы! Короткие соколиные крылья!

И там, в ночи, на высоте сто футов Джонатана вдруг осенило. И вся его боль, и все его окончательные решения — все разом испарилось, словно никогда не существовало.

— Ну да — короткие крылья... Короткое соколиное крыло! Вот он — ответ! Надо же быть таким идиотом. Ведь нужно всего-навсего укоротить крыло! Сложить, оставив расправленным только самый кончик. И получатся короткие крылья!